

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

Гавриил Троепольский:

**С ЧИТАТЕЛЕМ—
ДРУГОМ**

Помню читательскую конференцию в Ленинской Библиотеке. Я не в первый раз пришел туда: доводилось быть на таких же встречах с Валентином Распутином, Виктором Астафьевым, Юрием Бондаревым.

И вот — Гавриил Троепольский. Разговор шел о «Белом Быне», которого любили люди во многих странах мира. Почему? Потому что мы, дети космического века и наивных достижений научно-технической революции, независимо от возраста или профессии становились по простым человеческим чувствам — отзывчивости и добротой, по природе — солнечному луну или первому подснежнику. Помните: «О, белокопытный чаровник! Слава тебе, вожаки, душающему, страдающему ради будущего! Если тебе захочется отдохнуть душой, иди ранней весной в лес к подснежникам, и ты увидишь прекрасный сон действительности. Иди скорее: через несколько дней подснежников может и не быть, а ты не сумеешь запомнить величество видения, подаренного природой. Иди, отдохни. Подснежники — к счастью, говорят в народе».

Это из записок хозяина Бына. Он предваряет свою статью словами, что если бы он был писателем, то так обратился бы к людям.

Писатель Гавриил Троепольский mismo так и обращается к нам. Во всех своих книгах. И в «Быни» в особенности. В этой повести он как бы берет нас за руку и проводит по четырем временам года. И мы, очнувшись, заходим лесной земли, видим дающую голубизну неба.

Многом говорил тогда, в Ленинской библиотеке, Троепольский. Вот лишь два вопроса, заданные ему:

— В чем вы видите предназначение современной литературы и искусства?

— В нравственном совершенствовании личности. Ведь от того, каков будет человек, зависит будущее общества. Стает таким, какими будут наши дети.

— Какая из ваших книг вам особенно дорога?

— Из написанных — «Белобынь».

Дорогие заслуги, над которой работала. Сейчас некоторые свои книги написал бы по-другому, но, по-видимому, это были бы иные книги, хотя там не осталось бы прежней: борьбы, добра и зла, победы светлого начала в человеке.

Эта конференция раскрыла для меня многое в творческом облике Троепольского — писателя и личности. Многое, но далеко не все. Говорят, хо-чешки познают творчество позна-тия (или любого другого художника) — побывав на его родине.

И вот такой случай представился. Радиолюбительное задание привело меня на борисовскую землю. Я побывала во многих борисовских деревнях, говорила с людьми, которые вполне могли бы прообразами к «Запискам агронома» и «Черноземью», и других книг писателя.

«Черноземья» напомнила в эти весенние дни что-то сказочное, было графическое четкое, нетерпеливо жаждущее прикосновений рук человека-тру-женника.

Через все партийные до-кументы последних лет красной нитью проходит мысль о необходимости ускоренного разви-тия сельского хозяйства, о том, чтобы поднять все его земель-

трубины, а то, что он пишет. Работают над книгой.

— Ваши книги так не похожи одна на другую и по жанрам, и по стилю, и по психологическим характеристикам. Здесь и сатирические образы — Никины Болтухи, короля шестнадцати Порох семнадцатый («Из записок агронома»), и трансistor Алеши Русый из лирической повести «В камышах». Или Иван Иваныч — ходячий Бын. Как все они «гуляются» в ваших книгах? Не тексти ли им?

— Нет, не тексти. Герои и должны быть разными, не-похожими, как в жизни.

— Ваши книги автобиографичны?

— «Автобиографична» в них только природа.

Гавриил Николаевич подходит к широкому окну особняка Союза писателей, в Гавриил Николаевич ходит по просторному кабинету, размыкая всплеск над монитором просвещения, жилых зданий.

— Как изменился наш древний Веропей! — говорит он. — Скорее отразил свое 400-летие. И в то же время он юный. Помни, когда я впервые после освобождения города приехал сюда из Острово, страшно и жутко было идти по улицам — сплошные руины: 90 процентов зданий было разрушено в годы Великой Отечественной войны.

А сейчас это один из лучших городов России. Некоторые здания как архитектурная ценность охраняются государство. Есть и памятники, связанные с именами замечательных русских писателей. А наш Воронежский заповедник! Здесь в Усманской башне живут бобры, олены, лоси, кабаны... Но кратко об этом же не рассказывать, надо увидеть все собственными глазами!

Показываю Троепольскому письма, поступившие в редакцию его «Бына». Белый Бын. Черное ухо продолжает волшебствовать детей и взрослых. Отдам писателю почту посланий. Он улыбается:

— «Бын» продолжает ме-шать мне работать! Вот уже несколько лет поток писем не иссякает. Успеваем ли я на все отвечать? Конечно, нет. Вчера, например, полу-чили сразу 14 писем. Вот од-но из них — из Италии...

Беру письмо, разглядываю иностранный штемпель.

Девочка 14 лет из города Пармы пишет автору «Белого Бына»: «Я хотела быложить себя в конверт, чтобы с вами поговорить».

— Дети разных стран склоняют к своему естественному стремлению к добру, — говорит Г. Троепольский. — Но для развития этого душевного качества надо писать для них не только о добре... И он вновь задумался и замолчал, как это бывает с ним частично.

— Думала я об этих послед-них словах нашей беседы. И

— Да, по моему сценарию

было бы поставить фильм «Земля и люди». Пробовал

писать и пьесы, например, «Постояльцы».

А вообще с сожалением приходится от-ме-чать, что хороший пьес о жизни села очень мало, по-тому и острый современный материал, так необходимый сейчас людям, проходит мимо театров.

— Как складывается обыч-но ваш рабочий день?

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

всему этот вопрос.

В. ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ВОРОНЕЖ.

— Да как он складывается?

Кручусь словно белка в колесе. Стараюсь читать по-меньше чужих рукописей (а все равно приходится)

— Я же не могу быть, чтобы не успела задать Троепольскому

НАМ НУЖЕН МИР!

Эти ребята учатся в художественной школе подмосковного города Подольска. Они мечтают стать художниками, людьми самой мирной профессии. О них

ре они думают, за мир они борются своими рисунками.

● На уроке.

● Лена Быкова, 15 лет. «Нам нужен мир!»
● Сергей Фролов, 13 лет. «Нет!»
Фото Б. Чубатова.

ТВ: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

ПО РОМАНУ БОЛЕСЛАВА ПРУСА

Пять вечеров на минувшей неделе мы провели среди литераторов персонажей, давно и хорошо знакомых. Ведущий — роман замечательного польского писателя Болеслава Пруса «Лукавый» был переведен на русский язык еще в конце прошлого века и уже в наши дни не раз передавался. И все-таки на телевизионном экране герой Б. Пруса воспринимался по-новому, ибо экранизация А. Сцибор-Рыльского и Я. Войтылы была адресована сегодняшнему зрителю, способному какими-то обстоятельствами помочь понять в контекстном изложении, почти с полуслова, в чём-то исследовать более тщательно, с позиций нашего времени. Фильм польского телевидения «Лукавый» (режиссер Б. Бар) в достаточно полной мере отразил основные события романа, передав атмосферу времени, в главное, с истинно телевизионной способностью, называемой критиком характером, высветил центральные образы.

Где-то уже к третьему или четвертому вечеру стало казаться, что Станислав Бокулянский всегда был в представлении точно таким, каким изображает его Е. Кончаловский. Толь-

ко Пологонкин.

«ВЕРНИСАЖ» НА СРЕЗЕ ВОЛОСКА

В Жмеринке на Винницкую живет Михаил Григорьевич Маслюк. Он служивший мастер народного творчества УССР. Его очень хорошо знают не только земляки.

— Мы переступаем порог дома умельца. Не квартира — сокровищница великолепных изделий рук человеческих. И самое интересное хранится в крохоточных фурмачиках — фантастические по замыслу и исполнению микроминиатюры. Рассмотреть их можно только под микроскопом. Здесь и цепкий железнодорожный состав из 16 вагонов и паровоз, общий длиной в... 0,6 миллиметра, трактор с двумя прицепами на созе человеческого волоса, и действующий микромоторик величиной с письменку, и паровоз во много раз меньше макового зернышка. И еще более двухсот подобных экспонатов.

65-летний мастер из Жмеринки занимается микроминиатюрой — четверть века. Его изделия экспонировались на многих выставках в нашей стране, за рубежом. Особой попу-

лярностью пользовались экс-попинации, микроминиатюры, в которых демонстрировались поезд, трактор К-700, макеты памятников архитектуры, различные нарезки на срезе волоска. Эти работы побывали в Японии, Болгарии, Чехословакии. Одна из последних его уникальных работ — макет памятника Богдану Хмельницкому в Киеве размером с маковое зерно.

Раньше свои изделия Михаил Григорьевич создавал в золоте, никель отказывался от него — блеск мешает сосредоточиться взгляду. Сейчас в работе — серебро, черненное позолотой.

Умение М. Маслюка находится в наследии. Он изготовил сотни промисков, пифонов, инструментов для медиков, биологов, исследователей. В их числе — микромонты для сшивания роговицы глаза, игла для лабораторных исследований легких, инструменты для оперирования насекомых.

Н. ВЯЗОВЧЕНКО.

БРАТ БРАТОМ СИЛЕН

Неделя лекций, посвященная дружбе народов СССР, прошла в Масисском районе Армении.

В рамках Недели проведены научно-теоретическая конференция с участием партийного и хозяйственного актива района. Избрана Ленская воспринималась нами без какой-либо за-гадочности, ибо в телевизионной интерпретации все точки над «и» в обрисовке ее образа поставлены почти в самые первые надежды. И тем, человеке-

вительницей той части польского об-

щества, за которой, как под-

твердились, и было будущее.

Тема социального неравенства

решена в фильме в образной

и очень убедительной форме.

Вызывает особую симпатию

в фильме фигура Жешевого, не

просто отличающегося добро-

стью, но и способного вступить

за умника и незаслуженно оскорблённого человека.

Телевизионный фильм «Лу-

кавый» показал процесс разложе-

ния и деградации шляхты, неиз-

бежность ее крушения, таинст-

венное предчувствие. Б. Прес-

кович изменился перед аудитори-

и, причем изменился в манере и голосе отсту-

пствующего. Так ежевечерне Доризо прогово-

рил несколько мини-спектаклей, точных, ост-

ры и очень смешных.

Именно тогда, кажется, и со-гостялось первое публичное выступление известного поэта

в качестве юмориста. А вообще можно смело утверждать, что актер Доризо гораздо старше поэта Доризо. Это началось еще давно, когда

— Скажи ты будешь удивлен! Потрясен! Восхищен! Где это место?

Однажды в управление Союза писателей РСФСР пришел ровозовщик, атлетического сложения человек и направился в мой рабочий кабинет:

— Николай Константинович, что это такое делается, почему машут? Не печатают! Вот руко-

письма нигде не принимают, а если и принимают, то возвращают.

Говорят, образец (он так и выразился: образец) нет, каких-то — спичек?

Думал, что несколько коротких устных

новелл даже в письменном виде дают пред-

ставление о Доризо как о мастере не только

поэтическом, но и «веселого» цеха нашей ли-

тературы.

И. ВЕРДИЯН,

наш соб. корр.

Армянская ССР.

Здорово!

Однажды я попыталась

записать свою

статью о «щедрости»

Легенды ходили об этом че-

ловеке: в писательской среде

он был феноменально ску-

пым. Он обладал какими-то

удивительными талантами: рас-

товариться незаметно каждый

раз, когда нужно было распла-

чиваться в кафе, ресторане и

даже кинотеатре. Над ску-

постью его смеялся все в

глаза и за глаза.

Когда после уикенда мы сели

в кабинеты им также, он

мне доверительно зашептал на

ухо:

— Сейчас ты будешь удивлен!

Потрясен! Восхищен! Где

это место?

Он сопротивляется страницы, у

которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать:

— Вот здесь! Вот здесь!

Он сопротивляется страницы,

у которых не было

нечего напечатать: